

С.Н. Булгаков

**Интеллигенция и религия. О
противоречивости
современного
безрелигиозного
мировоззрения. Воскресение
Христа и современное
сознание**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.Н. Булгаков**
Интеллигенция и религия. О противоречивости современного безрелигиозно-
мировоззрения. Воскресение Христа и современное сознание / С.Н. Булга-
ков – М.: Книга по Требованию, 2015. – 48 с.

ISBN 978-5-458-56298-0

ISBN 978-5-458-56298-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогий храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слышали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобою любимый,
Своей тоски неутолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложить руки
И снять волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной“...
Я вялъ... Я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старья челою,
Чтобы простилъ, чтобы заступился,
Чтобы осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Вотъ слияніе интеллигенціи съ народомъ, полнѣе и глубже котораго нѣтъ. Но многіе ли изъ интеллигентовъ, читателей и почитателей Некрасова, склонялись предъ „этимъ скуднымъ алтаремъ“, соединяясь съ народомъ въ его вѣрѣ и его молитвѣ? Нѣтъ, немногіе. Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенція отвернулась отъ простонародной „мужицкой“ вѣры, и духовное отчужденіе содалось между нею и народомъ. Мнѣ вспоминается по этому поводу одна случайная картинка изъ жизни второй Государственной Думы. Въ одинъ изъ весеннихъ солнечныхъ дней, когда во время думскаго засѣданія депутаты и журналисты прогуливались въ Таврическомъ саду, мое вниманіе привлекла собравшаяся группа рядной петербургской публики изъ депутатовъ и газетныхъ сотрудниковъ, къ чему-то прислушивавшаяся и время отъ времени покатывавшаяся отъ смѣху: въ среднѣй толпы оказался забредшій туда Волынской крестьянинъ, старикъ, съ чуднымъ и скорбнымъ лицомъ, съ характерной головою, съ которой можно было лѣпить статую апостола или писателя икону. Прислушавшись, я понялъ, что старикъ рассказываетъ про какое-то бывшее ему видѣніе, въ которомъ Богъ послалъ его возвѣстить народнымъ представителямъ Свою волю. Рѣчь его была сумбурна, но всякій разъ, когда онъ возвращался къ своей миссіи и говорилъ о Богѣ, слова его покрывались дружнымъ смѣхомъ, а онъ кротко и терпѣливо, скорбя о смѣющихся господахъ, снова начиналъ свою повѣсть. Мнѣ было невыразимо грустно и больно наблюдать эту сцену, въ которой такъ ярко отразилась духовная трагедія новой Россіи, и я съ горечью отошелъ

и лишь издали долго видѣлъ благородную голову старика, ставшаго что-то разяснить и убѣдить, и смѣющуюся толпу любопытныхъ. Впрочемъ, можетъ быть, я и не вполне точно воспроизвожу эту сцену, но такъ я ее тогда воспринялъ. „Не строимъ ли мы Вавилонскую башню“, тихо сказалъ мнѣ бывший здѣсь же католическій священникъ-депутатъ.

Я не обманываю себя и теперь, и тоже чувствую себя отчасти въ положеніи думскаго старика. Всякому, кто въ наши дни передъ русской интеллигенціей рискуетъ говорить не о текущихъ, главнымъ образомъ, политическихъ дѣлахъ, а объ общихъ цѣляхъ жизни и религіозномъ смыслѣ ея, и кто, подобно мнѣ, видитъ его только въ христіанской религіи, тому приходится аранжѣ имѣть противъ себя безличнаго, но могущественнаго и въ высшей степени реальнаго противника въ *духъ времени*. Атмосфера безрелигіозности вообще отличаетъ новое время, особенно конецъ XVIII и XIX вѣкъ. Отличительныя черты нашей эпохи въ этомъ отношеніи съ неподражаемой силой и скатостью переданы нашимъ поэтомъ-философомъ Тютчевымъ въ стихотвореніи „Нашъ вѣкъ“:

Не плоть, а духъ растаялъ въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуетъ.
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣвши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ
Невыносимое онъ днесъ выноситъ...
И создаетъ свою погибель оя,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ,
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ закрытой дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью!“

Конечно, при общей характеристикѣ эпохи нельзя не дѣлать различія между разными странами европейской культуры, нельзя не отмѣтить, напр., религіозности англо-саксонской расы, которая сохранилась и до нашихъ дней, причемъ она перенесена англосаксами и за океанъ, и въ Новую Зеландію, и въ С. Штаты. Еще въ самое повѣйшее время Англія переживала сильное религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ уэльскаго возрожденія (*welsh revival*), среди уэльскихъ углекоповъ, составляющихъ одну изъ наиболѣе крѣпкихъ рабочихъ организацій. Газеты приносили вѣсти о пѣніи гимновъ и богослуженіи подъ землей при необыкновенномъ религіозномъ возбужденіи среди населенія, такъ что невольно вспоминаются мучительно страстные слова Митеньки Карамазова о гимнѣ изъ подъ земли. „И тогда мы, подземные человекѣки, запоемъ пѣзъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у котораго радости! Да здравствуетъ Богъ и Его радость!“

Самое замѣчательное въ этой англо-саксонской религіозности это то, что она не является только простонародной, каково по преимуществу наше русское благочестіе, и не разсматривается англійской интеллигенціей какъ „религіозные предрасудки“. Проф. Шульце-Геверницъ говоритъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ*), что „религія и до сихъ поръ есть нервъ англо-саксонской культуры“. „Внѣшніе факты,—продолжаетъ нѣмецкій экономистъ,—подтверждаютъ это континентальному туристу на каждомъ шагѣ. До сихъ поръ воскресенье кладетъ еще свою печать на всю страну. Наряду съ духовенствомъ всюду выступаютъ свѣтскіе проповѣдники: врачи, юристы, вожаки рабочихъ не только въ закрытыхъ молебныхъ, но и по преимуществу на открытомъ воздухѣ, напр., въ паркахъ большихъ городовъ, въ которыхъ въ качествѣ кафедръ употребляются экипажи или тумбы. Здѣсь ѣдетъ по странѣ миссіонерскій вагонъ, покрытый изреченіями изъ Библии и дающій пріютъ странствующимъ проповѣдникамъ, тамъ сестры милосердія проникаютъ въ винныя лавки и берлоги преступниковъ, являясь носительницами „агрессивнаго христіанства“. Мостовыя кипятъ солдатами „арміи спасенія“ и т. д. и т. д. Руководящіе умы націи, ея духовные вожди, раздѣляютъ въ большей или меньшей степени эту національную религіозность. Знаменитые государственные дѣятели Англій Дизраэли (лордъ Виллингтонъ) и Гладстонъ были ревностными христіанами и ежедневными читателями Библии. Гладстонъ, перу котораго принадлежитъ сочиненіе „Незыблемая скала Священнаго Писанія“, какъ извѣстно, любилъ выступать проповѣдникомъ въ Гаварденѣ, и вообще высказывалъ такое убѣжденіе (въ письмахъ къ женѣ): „я убѣжденъ, что благополучіе человѣчества теперь не зависитъ отъ политики, дѣйствительная борьба ведется въ области мысли, въ которой происходитъ убійственная атака противъ величайшаго сокровища человѣчества, вѣры въ Бога и Евангеліе Христа“. И недавній премьеръ Англій Артуръ Бальфуръ тоже написалъ книгу въ защиту христіанскаго ученія подъ заглавіемъ „Основы вѣры“. Мнѣ достаточно только напомнить дальѣ племя Рескина и Карлейля, у которыхъ нельзя ничего понять, не принимая во вниманіе ихъ исключительной религіозности, такъ наз. христіанскихъ социалистовъ: Кингсли, Людлоу, Моррисъ и др., вплоть до теперешняго лондонскаго епископа Ингрэма и т. д. и т. д. Конечно, нельзя сказать, чтобы и Англія осталась чужда тому разрушительному движенію, которое появилось въ новое время. Въ кузницѣ англійской мысли и науки были выкованы едва

*) *G. v. Schulze-Gävernitz*: „Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des swanzigsten Jahrhunderts“. Leipzig, 1906.

ли не злѣйшіе и не сильнѣйшіе аргументы противъ религій. Гоббсъ и Юмъ, Бентамъ и по своему понятій Дарвинъ и Бэконъ вмѣстѣ съ другими мыслителями оказали свое вліяніе, но, можетъ быть, въ большей степени на континентѣ, нежели у себя дома. Тѣмъ не менѣе и въ Англій тотъ духъ времени, о которомъ я сказалъ, начинается чувствоваться все сильнѣе, но еще сильнѣе проявился онъ на европейскомъ континентѣ, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ и въ отдѣльныя эпохи, напр., во Франціи во время великой французской революціи, да въ значительной степени и теперь, въ протестантской части Германіи и т. д. Но все же можно сказать, что ни въ одной странѣ въ Европѣ интеллигенція не знаетъ такого повального массоваго индифферентизма къ религій, какъ наша. Въ исторіи русской мысли сыздавна обозначились и борются до сихъ поръ два теченія: одно насчитываетъ на своей сторонѣ немногихъ представителей (разумѣемъ среди интеллигенціи), но зато въ этомъ числѣ цвѣтъ нашего національнаго ума и гения, предметъ нашей національной славы и гордости. Это тѣ, которые остались духовно съ народомъ въ его мужицкой церкви, и во всякомъ случаѣ не отдѣлялись отъ него въ вѣрованіяхъ въ живого Бога. Въ числѣ этихъ немногихъ мы считаемъ: Жуковскаго, Пушкина, Тютчева, въ извѣстномъ смыслѣ Лермонтова, Гоголя, Хомякова, Кирѣевскаго, Чаадаева, Аксаковыхъ, В. Соловьева, Достоевскаго, Пирогова, А. Толстого, даже Некрасова и Льва Толстого, насколько онъ вообще стоитъ на религиозной почвѣ.

Противорелигиозное идейное теченіе, считающее въ своихъ рядахъ большинство прогрессивныхъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей отъ Бѣлинскаго до нашихъ дней, усвоило себѣ рационалистически-атеистическое мировоззрѣніе, которое широкой волной разлилось и составляетъ господствующую вѣру русской интеллигенціи. Я не обмолвился: это невѣріе есть дѣйствительно вѣра, вѣра въ научность, рационализмъ, въ невѣріе. Масса нашей интеллигенціи съ необыкновенной легкостью въ самый ранній періодъ развитія ума, въ отроческій или юношескій возрастъ принимаетъ догматику атеизма, усвоивъ ей предикаты научности. Не разъ замѣчено, что предубѣжденіе больше удалено отъ истины, чѣмъ полное незнаніе. Относительно религій у насъ существуетъ наследственный предразсудокъ, что здѣсь нѣтъ даже вопроса, ибо наука и философія исключаютъ религію. Подобное мнѣніе можетъ объясняться только полнымъ незнакомствомъ съ научной и философской работой, которая кипѣла и кипитъ до настоящаго дня по вопросамъ исторіи и философіи религій, ея догмы, культура съ нескончаемыми и по существу, понятно, безконечными спорами

объ этихъ вопросахъ. Повторяю, наше русское невѣріе обычно остается на уровнѣ слѣпой, наивной вѣры. Эту особенность русскаго духовнаго развитія, имѣющую свои историческія и бытовыя причины, съ обычной своей пронизательностью указалъ Достоевскій, сдѣлавшій русскій, да и міровой атеизмъ какъ бы своей специальностью. Достоевскій влагаетъ въ уста князю Мышкину (въ „Идіотѣ“), своему alter ego, слѣдующую его характеристику: „атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ. И наши не просто становятся атеистами, а непременно увѣруютъ въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ не замѣчая, что увѣровали въ нуль“ и, прибавляетъ Достоевскій, происходитъ это „не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ, тщеславныхъ чувствъ, а и изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу“.

Много разъ задумываясь надъ двоящимся и доселе неразгаданнымъ и неопредѣлившимся обликомъ русской интеллигенціи, я обращался мыслью къ этому тезису о религиозной ея тоскѣ, о жаднѣ крѣпкаго берега, праведной жизни, новаго неба и новой земли. И если нельзя было иногда не усумниться въ правильности этой характеристики, то нельзя отъ нея и отказаться. И во второй Государственной Думѣ, въ раскаленной атмосферѣ политическихъ страстей, прислушиваясь и присматриваясь вокругъ себя и силясь разгадать подлинную природу русской интеллигенціи, иногда я ясно видѣлъ, какъ въ сущности далеко отъ политики въ собственномъ смыслѣ, т. е. повседневной прозаической работы починки и смазки государственнаго механизма, отстоятъ эти люди. Это психологія не политиковъ, расчетливыхъ реалистовъ и постепенцевъ, это нетерпѣливая экзальтированность людей, ждущихъ осуществленія Царствія Божія на землѣ, Новаго Иерусалима чуть ли не завтра. Невольно вспоминаются анабаптисты и многіе другіе коммунистическіе сектанты средневѣковья, апокалиптики и хилиасты, ждавшіе скорого наступленія тысячелѣтнаго царства Христова и расчищавшіе для него дорогу мечомъ, народнымъ возстаніемъ, коммунистическими экспериментами, крестьянскими войнами, вспоминается Іоаннъ Лейденскій со свитой пророковъ и остальныхъ осажденныхъ въ Мюнстерѣ... Конечно, сходство это касается лишь психологіи, а не идей. Въ области же идейной, хорошо это или плохо, счастье или несчастье для насъ, но Россія отражаетъ идеи и настроенія вѣка рѣшительнѣе и прямолинейнѣе, чѣмъ даже Западъ, отражаетъ на себѣ и ту мировую духовную драму богоборчества и богоотступленія, составляющую нервъ новой исторіи, передъ чѣмъ блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ всѣ великіе политическіе и соци-

альные интересы, вздымающие волны и рябь на груди исторического моря.

Въ чемъ же тутъ борьба и почему это драма? Духовная борьба, составляющая основную тему и основное содержаніе новой исторіи, начиная съ ренессанса и особенно явственно съ XVIII вѣка, опредѣляется усилями культурнаго человѣчества „устроить безъ Бога навсегда и окончательно“, какъ выразился Достоевскій, или „умертвить Бога“, какъ еще смѣлѣе выразился одинъ изъ яростнѣйшихъ богоубійцъ Ницше, свести жизнь исключительно къ имманентному безъ всякой связи съ трансцендентнымъ, выражаясь языкомъ философіи, лишитъ землю неба, не коперниковскаго, холоднаго, астрономическаго неба, но Монсева, библейскаго или хотя даже Каптовскаго неба, престола Вождя. Въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ пинтимной жизни, во внѣшнемъ ея устроеніи, въ наукѣ, въ философіи идетъ эта борьба, столь ясно предудказанная въ Евангеліи и Апокалипсисѣ, и величайшія усилія употребляются, употреблялись и будутъ употребляться какъ для того, чтобы подорвать, такъ и чтобы оправдать права религіозной вѣры. Въ этомъ смыслѣ наша историческая эпоха не имѣетъ равной въ исторіи, ибо всегда были отдѣльные антирелигіозныя теченія и явленія религіознаго упадка, но не было такого сознательнаго и убѣжденнаго, такого фанатическаго и непримиримаго стремленія свести человѣка на землю и опустошить небо. Если бы нужно было выразитъ духовную сущность нашей эпохи въ художественномъ образѣ, въ картинѣ или трагической мистеріи, то эту картину или мистерію слѣдовало бы назвать: „Похороны Бога“, или самоубійство человѣчества. И въ этихъ образахъ слѣдовало бы со всею силой и наглядностью показать, на что покусается человѣчество, и что оно надъ собою дѣлаетъ, что теряетъ каждый изъ насъ, во что онъ превращается. Какъ бы ни разбѣгались фигуры на этомъ фантастическомъ полотнѣ, но одно несомнѣнно, что общее содержаніе его не подилія или пастораль, изображающая триумфъ науки и знанія, и не мѣщанская комедія, въ которой въ концѣ-концовъ всѣ препятствія преодолеваются, и дѣло кончается веселой свадьбой жениха-человѣчества съ невѣстой-государствомъ или обществомъ будущаго, но серьезная, мучительная трагедія.

Почему же это такая трагедія, почему эти похороны Бога неизбежно обращаются въ похороны самихъ похоронщиковъ? Да потому, что, хороня Бога въ своемъ сознаніи, они вынуждаются хоронитъ и божественное въ своей душѣ, а божественное есть дѣйствительная, реальная природа человѣческой души. Можно думать о себѣ какъ угодно, считать себя человѣковидной обезьяной, рефлексомъ экономическихъ отношеній, автома-

тической машиной, кускомъ матеріи, въ силу механической необходимости одаренной сознаниемъ—все это высказывается и высказывалось о человѣкѣ,—но отъ этихъ мнѣній онъ не перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, чѣмъ сдѣлали его „руки, сотворившія и создавшія его“ и надѣлившія его запросами и свойствами высшей духовной природы. Можно убѣждать человѣка голоднаго, что онъ сытъ, и даже настолько оглушить логикой аргументовъ, что онъ сочтетъ себя обязаннымъ постараться этому повѣрить, но онъ будетъ мучиться голодомъ, испытывать безпокойство; можно увѣрять себя и другихъ, что дикіе рожки, которыми питался блудный сынъ на чужбинѣ, не хуже, а лучше тельца, уготованнаго для него у отца, но п это не успокоитъ, не дастъ мира душѣ, не примиритъ ее ни съ собою, ни съ жизнью. Ибо „*tu nos fecisti ad te, cor nostrum inquietum est, donec requiescat in te*“, какъ восклицаетъ въ своей „Исповѣди“ блаженный Августинъ. Человѣкъ рожденъ для вѣчности и слышитъ въ себѣ голосъ вѣчности, онъ слышитъ его тонкимъ ухомъ своихъ величайшихъ мыслителей, ученыхъ и поэтовъ, своихъ чистыхъ сердцемъ праведниковъ, творческимъ гениемъ своихъ художниковъ. Жить во времени для вѣчности, переживать въ относительномъ абсолютное и стремиться дальше всякой данности, дальше всякаго даннаго содержанія сознанія, *excelsior, всегда excelsior*, къ этому призванъ человѣкъ, и это стремленіе *excelsior* само говоритъ о Томъ, Кто живетъ *In excelsis*, есть живое богооткровеніе въ насъ. Самъ для себя человѣкъ потому и не можетъ стать абсолютнымъ, самоудовлѣяющимъ, что онъ никогда не удовлетворится собой, своимъ даннымъ состояніемъ, если только не ниспадетъ въ низменную животность и не уподобится въ дѣйствительности неосмысленной твари. Но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ сознаетъ въ себѣ эту силу и эту волю вмѣщать абсолютное содержаніе, расти и расширяться, становясь живымъ образомъ абсолютнаго, образомъ и подобіемъ Божиимъ. Эта незаглушимая жажда высшаго содержанія жизни рождала и рождаетъ религіозную вѣру. „Многое на землѣ отъ насъ скрыто, (говоритъ Зосима у Достоевскаго), но взаимнѣе того даровано намъ тайное, сокровенное ощущение живой нашей связи съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, но въ мірахъ иныхъ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посеялъ здѣсь на землѣ и взрастилъ садъ свой, но возвращенное живо и живетъ лишь чувствами соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и возвращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ, возненавидишь ее“. Такъ Люциферъ у Байрона, обогативъ Каина множествомъ

венужныхъ ему и мертвыхъ знаній, но тонкой клеветой отвративъ его отъ прежней вѣры, приводитъ его лишь къ сознанію, что онъ—ничто. И подтверждаетъ:

И это будетъ разумъ
Всѣхъ знаній человѣческихъ,—предѣлъ
Всей мудрости, доступной вамъ:
Что вы ничто съ своей природой смертной.
Ты завѣщай науку эту дѣтямъ.

Сестра — жена его Ада говоритъ ему, когда слышитъ отъ него сужденіе Люцифера: „намъ Егова не говорить такъ“. Нашей эпохѣ свойственна чрезвычайно высокая оцѣнка своихъ умственныхъ завоеваній, многимъ изъ нашихъ современниковъ представляется, что настоящая жизнь человѣчества начинается только теперь, а вся предыдущая исторія есть прологъ или тѣма дикости и варварства. Этотъ своеобразный историческій каннибализмъ, какъ выразился когда-то Герцень, въ нашихъ глазахъ совсѣмъ не имѣетъ основаній. Про наше время нельзя не повторить діалога Люцифера съ Каиномъ, когда послѣдній спрашиваетъ Люцифера: „Вы счастливы? Нѣтъ, мы могучи. Вы счастливы? Нѣтъ“. И нашъ вѣкъ болѣе могучъ, чѣмъ счастливъ. Представляя безпримѣрное богатство въ благахъ внѣшней, преимущественно матеріальной, но также и духовной культуры, въ самомъ существенномъ,—въ душевной силѣ, свѣжести и вѣрѣ, не богаче, но бѣднѣе предыдущихъ, и эта бѣдность рельефно выступаетъ именно на фонѣ этого оглушительнаго прогресса.

Упразднивъ религію Бога, человѣчество старается изобрѣсти новую религію, причѣмъ ищетъ божествъ для нея въ себѣ и кругомъ себя, внутри и внѣ; пробуются поочередно: религія разума (культъ разума во время великой французской революціи), религія человѣчества Конта и Фейербаха, религія социализма, религія чистой человѣчности, религія сверхчеловѣка въ новое время съ перспективой религіи сверхчеловѣка и т. д. Въ душѣ человѣчества, теряющаго Бога, должна непременно образоваться страшная пустота, ибо оно можетъ принять ту или иную доктрину, но не можетъ заглушить въ себѣ голоса вѣчности, каждую абсолютнаго содержанія жизни. И погасивъ солнце, оно стремится удержать свѣтъ и тепло, дѣлаетъ судорожныя усилія къ тому, чтобы спасти и удержать божественное и заполнить пустоту новыми богами, но зыбкая почва проваливается подъ ногами, и духовная атмосфера становится все напряженнѣе и тяжелѣе. Въ высшей степени трогательна эта борьба человѣчества за духовное свое существованіе и мучительныя усилія искать твердую почву то тамъ, то здѣсь.

Въ дѣяніяхъ апостольскихъ есть приснопамятный разсказъ о проповѣди ап. Павла въ Афинахъ, этомъ Парижѣ древняго міра, средоточіи наукъ и искусствъ, философовъ, ученыхъ и художниковъ. Этотъ городъ былъ полонъ идоловъ, какъ и наша культура, такъ что и великій апостолъ „возмущился духомъ“. При видѣ ихъ, однако, онъ усмотрѣлъ среди этихъ алтарей жертвенникъ съ надписью „невѣдомому Богу“, который и послужилъ вѣщней темой его проповѣди. Слѣдуетъ искать, по примѣру апостола, такого жертвенника и въ современныхъ Афинахъ, и, конечно, можно найти его и здѣсь, и подъ покровомъ отрицательныхъ словъ и разрушительныхъ идей усмотрѣть тлѣющую искру вѣры и благочестивый жертвенникъ. Если спросить себя, чѣмъ живетъ современный человѣкъ, во что онъ увѣровалъ вмѣсто Бога, ну хотя если спросить средняго русскаго студента или взрослога гимназиста изъ „сознательныхъ“, то, конечно, онъ тотчасъ отвѣтитъ: хочу приносить пользу человѣчеству, затѣмъ подумавъ прибавитъ: выполняю себѣ научное міровоззрѣніе. Вѣра въ прогрессъ, въ науку, въ возможность разрѣшить всѣ жизненные противорѣчія въ историческомъ развитіи науки и человѣчества составляетъ несложный катехизисъ современнаго человѣка. Это — общее, а затѣмъ начинаются частности, различія, выражаемыя обыкновенно буквами латинскаго алфавита въ извѣстныхъ парныхъ сочетаніяхъ. Въ основу его положены догматы вѣры въ разумъ, веселіе науки. Однако совмѣстима ли эта вѣра въ разумъ съ общимъ ученіемъ о человѣкѣ, какъ двуногомъ животномъ, которое въ силу случайности, игры матеріальныхъ атомовъ и борьбы за существованіе достигло теперешняго состоянія, а въ будущемъ имѣетъ достигнуть еще большаго? Откуда у этого „ощипаннаго пѣтуха“, какъ опредѣлилъ человѣка философскій нигилистъ-циникъ Діогенъ, берется разумъ и наука, и на чемъ опирается такая вѣра въ нихъ? Что есть истина, которую хочетъ познавать наука?

Этотъ Пилатовскій вопросъ, обращенный къ Тому, Кто сказалъ о Себѣ: „Я путь, истина и жизнь“, къ самому Божественному Логосу, звучитъ на всю исторію человѣчества и не находитъ отвѣта иначе, какъ въ связи съ религіозной вѣрой. Какъ возможна наука и знаніе законовъ міра? Вотъ вопросъ, поставленный человѣчеству критической философіей въ лицѣ Канта. Какъ и почему комочекъ матеріи, хотя и извѣстнымъ образомъ организованный, можетъ познавать вселенную, воспроизводя ее въ себѣ идеально? Что это за таинственная сила идеальной репродукціи? Иногда отмахиваются отъ этихъ вопросовъ ссылкой на завоеванія науки: да развѣ современная техника не свидѣтельствуетъ о силѣ ума и знанія!

Но отвѣчать такъ значить неизвѣстное подтверждать неизвѣстнымъ, только отодвигать проблему, и не требуетъ ли въ такомъ случаѣ уже самый этотъ фактъ объясненія? Органъ познанія—головной мозгъ съ нервной системой и функція познанія настолько несоизмѣримы и несоотвѣтственны между собой, что говорить о познаніи мозгомъ и нервами міра и его законовъ значить впадать не только въ мистическую, но прямо мифологическую безсмыслицу или же утверждать громовое чудо, котораго вообще не допускаютъ представители новѣйшей науки. Одно изъ двухъ: или человѣкъ дѣйствительно есть такое ничтожество, комъ грязи, какимъ его изображаетъ материалистическая философія, но тогда непонятны эти притязанія на разумъ, науку; или же человѣкъ есть богоподобное существо, сынъ вѣчности, носитель божественнаго духа, и возможность всякаго и въ томъ числѣ и научнаго познанія объясняется именно этой природой человѣка. Другими словами, это значить, что достоинство науки и ея права не ограничиваются, а только утверждаются религіознымъ ученіемъ о человѣкѣ, а вмѣстѣ съ устраниемъ послѣдняго подрывается и первое. Наука принципиально опирается на религію, а не противорѣчитъ ей, какъ это страннымъ образомъ сложилось въ современныхъ представленіяхъ. Разсматривая же разумъ и науку, какъ продуктъ и орудіе борьбы за существованіе, при свѣтѣ своеобразнаго понятнаго дарвинизма, мы должны окончательно развѣчивать ихъ. Если сила и значеніе научной истины только въ полезности, какъ говорили дарвинисты въ биологіи, а въ новое время и въ гистологіи, то откуда взяли, что истина всегда полезна и что не полезна иногда, а можетъ быть, и всегда заблужденіе? Это сомнѣніе, высказанное Ницше и повторенное въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по теоріи познанія, нечѣмъ обезпечить. „Нѣтъ ничего болѣе нездороваго, чѣмъ мышленіе“, — вырвалось у О. Уайльда; вслѣдъ за греческими софистами онъ вмѣстѣ съ другими модернистами считаетъ возможнымъ „все доказывать“, ничего не считая истиной, подсмѣиваясь надъ тяжеловѣснымъ благочестивымъ отношеніемъ къ наукѣ. Наукѣ приставляютъ къ горлу ножъ, ею же отточенный, надвигается кризисъ научнаго и философскаго сознанія, сходящій съ кризисомъ прежнимъ античнымъ міромъ, и не придется ли еще наукѣ искать опоры у гонимой ею теперь религіи? Наарѣвающій кризисъ науки, софистико-пилатовскій скептицизмъ, быть можетъ, яснѣе установитъ дѣйствительное отношеніе между религіей и наукой, которое сознавалось и всегда великими учеными и мыслителями, но не понималось полунаучной. Наука сама основывается на вѣрѣ въ разумъ, въ единство разумнаго начала въ микрокосмѣ и макрокосмѣ, на религіоз-